

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В ПСИХОЛОГИИ

Г.В. Залевский

История развития психологии — это сложное, нередко зигзагообразное движение мысли вокруг трех проблем, а именно: предмета психологии, метода или методов его познания и категориального аппарата как производного представлений о предмете и методе. Мы пытаемся дать историко-теоретический анализ объяснения и понимания в их соотношении как методов наук о психике в контексте декларируемого сегодня очередного кризиса психологической науки. Мы стараемся показать предпринимаемые сегодня попытки уйти от естественнонаучного методологического монизма к монизму гуманитарно-научному, соглашаясь, скорее, с теми, кто выступал и выступает против «циклопной, одноглазой психологии». Поскольку наши научные корни идут от П. Жане и М.С. Роговина, мы в своих суждениях во многом опираемся на их труды, а также на результаты собственных экспериментально-психологических исследований личности в норме и патологии, включая разработку проблемы фиксированных форм поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии) (1976–2004).

ОБЪЯСНЕНИЕ В НАУКАХ О ПСИХИКЕ

Объяснение есть обязательный этап каждого научного исследования, и психологическое научное исследование не является здесь исключением, однако у объяснений в науках о психике имеются собственные специфические особенности. Проблемам исследования, возникающим на этапе объяснения, посвящена обширная литература, которая в настоящее время уже представляет собой органическую часть общей методологии психологического исследования (Пиаже,

1966а; Роговин, 1979; Роговин, Залевский, 1988). Сложность и объем проблем объяснения велики, а потому здесь мы коснемся лишь вопросов, непосредственно относящихся к структуре психологического исследования, к психологической природе самого объяснения и его отношения с пониманием.

Уточним сначала некоторые понятия и термины, начав с дифференциации понятий объяснения и интерпретации. Интерпретация — это, по существу, тоже объяснение, но, применяя этот термин, мы обычно имеем в виду объяснение, имеющее место непосредственно в ходе исследования (особенно экспериментального) и опирающееся на непосредственно имеющееся, наличное знание. Она представляет собой установление связей и зависимостей внутри данного исследования. Собственно объяснение — это привлечение более широкого круга знания, теоретических концепций, выходящих за рамки данного исследования. Второе уточнение состоит в том, что объяснение обычно определяется как завершающий этап исследования. На практике объяснение выступает не только в этой функции — ввиду явной множественности объяснения в психологии (об этом подробнее ниже) на уровне современной психологии почти любая тема отражена не в одном, но в серии исследований. Поэтому некоторые из объяснений оказываются не только или не столько окончательным, сколько промежуточным этапом, — одним из звеньев всего процесса исследования.

Несколько следующих замечаний относятся к психологической природе объяснения, где на первый план выступает его близость и его противопоставление пониманию (Роговин, 1981; Роговин, 1985).

Говоря о психологии объяснения, следует, прежде всего, различать две его стороны — объективную, или собственно объяснение, и субъективную. — понимание, в конечном итоге индивидуально обусловленное. И то, и другое есть мыслительный акт включения изучаемого явления, объекта в ту или иную систему связей. В идеале обе системы должны совпадать в той мере, в какой они отражают реальные связи действительности. Хорошо известно, однако, что в жизни мы нередко имеем дело как с неадекватными объяснениями, так и с неадекватным пониманием. При этом ведущие закономерности этих процессов различны. Понимание может быть чисто внутренним, неразвернутым процессом, не нашедшим внешнего словесного выражения, и тогда обычно говорят об (не в терминологическом значении этого слова) интуитивном понимании. Понимание есть, главным образом, акт «присвоения» индивидом внешнего содержания, включения его в индивидуально-своеобразную систему связей.

В отличие от понимания объяснение — не внутренний, а всегда развернутый процесс, реализующийся, главным образом, коммуникативно (даже в тех случаях, когда коммуникация принимает особую форму, например письменную, или даже когда человек дает объяснение самому себе). Отсюда ясно, что объяснение в гораздо большей степени, чем понимание, связано с языковой и логической формой выражения, и, следовательно, оно в большей мере характеризуется внепсихологическими закономерностями (логическими, лингвистическими). Однако формальная сторона объяснения еще не определяет его качества, поскольку главным для него, как и для понимания, является степень адекватности отражения объективных связей реальности. Не отражающее их объяснение таковым, по существу, не является. Вместе с тем объяснение, оторванное от понимания, не связанное с внутренней сложившейся системой связей, представляет собой односторонний и чисто вербальный акт.

Одной из главных особенностей объяснения как акта мышления, отчетливо проявляющейся на донаучном уровне, является его двусоставность. В процессе объяснения всегда имеет место логическая дифференциация того, что объясняется, и того, как и с помощью чего объясняется. Учитывая, что между объясняемым и объясняющим, конечно, должна быть и внешне выражаемая связь, это подчеркивание двусоставности объяснения сближает его, с одной стороны, с простым предложением и со структурой мысли вообще, с другой стороны, делает его как бы наиболее четким логическим воплощением мысли. Конечно, не всякое простое предложение есть объяснение, но структура простого предложения — это та естественная форма реализации объясняющего мышления, к которой она может быть сведена только в идеале. Ведь еще И.М. Сеченов писал, что научное изучение мышления возможно лишь в том случае, «если все почти бесконечное разнообразие мыслей... подвести под одну или несколько формул, в которых были бы совмещены все существенные элементы мысли. Это есть трехчленное предложение, состоящее из подлежащего, сказуемого и связки... У всех народов всех веков, всех племен и всех ступеней умственного развития словесный образ мыслей в наипростейшем виде сводится на наше трехчленное предложение. Благодаря именно этому мы одинаково легко понимаем мысль древнего человека, оставленную в письменных памятниках, мысль дикаря и мысль современника. Благодаря тому же мы можем утверждать с полной уверенностью, что и те внутренние, скрытые от нас процессы, из которых возникает бессловесная мысль, у всех людей одинаковы и производятся орудия-

ми, которые действуют неизменно, как звенья какой-нибудь машины» (Сеченов, 1952, с. 411–417).

Помимо того, что понимание — это характеристика обращенного внутрь, а объяснение — обращенного вовне познания, между ними есть еще одно, хотя и менее очевидное, но существенное отличие. Понимание с логической точки зрения всегда есть констатация некоторой связи, утверждение о характере соответствия объективно фиксируемой реальности имеющейся у субъекта системе понятий. Объяснение как указание на причинную связь только по форме является утверждением (и в этом случае оно выступает в качестве внешнего выражения понимания), имплицитно же оно есть отрицание, ибо цепь причинно-следственных отношений может содержать нечто скрытое от нас. Поэтому, согласно К. Левину (Lewin, 1936), задача психолога исчерпывается установлением законов, или (что по смыслу, вкладываемому здесь Левиным, идентично сказанному) полным описанием отношений между личностью испытуемого как относительно стабильной системой характеристик и ее окружением.

Другие авторитетные психологи, такие как, например, Ж. Пиаже, делают упор на то, что в психологии существует множество типов объяснения, причем, к сожалению, их гораздо больше, чем в таких науках, как физика, химия или биология. «Причину этого не следует искать главным образом в расхождениях психологов в вопросе установления фактов или законов; здесь рано или поздно будет достигнуто согласие, хотя существуют еще достаточно обширные области, где некоторые факты принимаются как таковые и рассматриваются как общие до их экспериментальной проверки (например, в клинической психологии); это согласие, в конечном счете, всегда неизбежно имеет место. Различие объяснений несколько больше зависит от дедуктивной скоординированности законов не потому, что правила дедукции варьируют от одного автора к другому, а потому, что если некоторые школы предпринимают значительные усилия для достижения дедуктивной связанности (например, современные американские теории научения), то другие озабочены этим гораздо меньше. Но главную причину множественности форм объяснения следует искать в разнообразии «моделей»» (Пиаже, 1966а, с. 166–167).

Несомненно также, что характер объяснения зависит и от других обстоятельств, в первую очередь, от характера проблемы и от объема имеющихся в этой области знаний, — при всем том, что в идеале исследователь всегда стремится вскрыть прямые причинно-следственные связи. Своеобразные сдвиги в характере объяснения наметились,

например, в современной когнитивной психологии вследствие таких ее особенностей, как: 1) все возрастающая роль эксперимента; 2) ведущая роль информационных процессов в познании внешней реальности; 3) констатация определенной иерархически организованной структуры психического, в которой по-разному кодируется информация о внешней реальности (Роговин, Залевский, 1988). Когнитивная психология делает шаг в направлении объяснения сложных психических феноменов, при этом особое значение приобретает понятие репрезентативности. Репрезентативным является тот член класса, которому присущи основные особенности всего класса изучаемых явлений в целом. В классе, с позиций когнитивной психологии, представлен код или совокупность кодов, в которых выражается объект в процессе познания. Прогресс методик исследования обеспечивает репрезентативность их результатов тем или иным классам, а прогресс теории — последующее истолкование результатов кодирования. Эксперимент позволяет увеличить наши знания о той или иной психической структуре (классе психических явлений), и в то же время — поскольку результаты исследования репрезентативны — позволяет рассматривать их как конкретный случай свойственного данному классу способа кодирования.

Таким образом, понятие репрезентативности еще не обладает объяснительным статусом, но оно позволяет повысить эффективность объяснения, хотя и путем внесения в него дополнительных звеньев. Конечно, степень репрезентативности результатов экспериментального исследования может быть различной. Так, в работе Д. Бренсфорда и Д. Франкса (Bransford, Franks, 1971) испытуемым предъявлялась фраза-прототип (содержащая всю информацию в рамках задания, она предъявлялась лишь для опознания) и фразы, содержащие частичную информацию; последние предъявлялись как для заучивания, так и для опознания. Была отмечена явная тенденция к предпочтительному воспроизведению фразы-прототипа, хотя испытуемые ее и не заучивали. На основании подобных данных делаются выводы как о структуре запоминания визуальной стимуляции, так и о соотношении полного и частичного содержания в процессе запоминания. Здесь фраза-прототип прямо репрезентирует структуру изучаемого класса психических явлений, но даже в случаях, когда суждение о репрезентативности в большей мере косвенное, его использование в целях объяснения все же возможно. Так, о системном характере ретенции можно судить по данным ассоциативного эксперимента в сочетании с хронометрией (Brooks, 1968); предъявление информации в какой-либо одной модальности интерферирует с информацией в той же

модальности, хранимой в долговременной памяти, но не затрагивает ее содержание в других модальностях (Morin, DeRosa, 1967); число возможных при решении задач способов действия (стратегий) ограничено, в основном, объемом оперативной памяти, и при увеличении трудности задания резко сокращается число используемых испытуемым гипотез (Bruner, Goodnow, Austin, 1956) и т.д.

В тесной связи с отмеченной выше характеристикой объяснения как не только завершающего, но и промежуточного этапа исследования, а также с возможностью множественности объяснения находится еще одна его особенность, на которой следует остановиться особо. Это — структурно-уровневая характеристика объяснения. П. Фресс формулирует это сжато в следующих словах: «Разумеется, виды объяснения могут быть весьма различными. Можно дать объяснение на уровне переменных ситуаций; можно определить, объясняется ли ряд результатов действием промежуточных переменных, существование которых постулируется (таким характером обладают факторы) и статус которых изменяется в зависимости от их объяснительной ценности и соответствия другим промежуточным переменным. В самом деле, было бы ошибочным считать, что данному результату соответствует лишь один какой-то способ объяснения. Во всех случаях для каждого явления можно пользоваться различными “решетками для чтения шифра”. Для всякого, кто ищет объяснения, основная ошибка будет состоять в том, чтобы принять какую-нибудь частную причину за главную причину» (Фресс, 1966, с. 151).

Мы хотели сделать особый акцент на том, что объяснение имеет структурно-уровневое строение не случайно — оно есть экстраполяция на самый процесс исследования внутренней логической структуры предмета психологии. В результате проведенных исследований мы, следуя таким мыслителям, как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н.А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности их структурно-уровневой организацией (Желеско, Роговин, 1985; Залевский, 1976; Роговин, 1969, 1970, 1973, 1974, 1977, 1981, 1985; Роговин, Соловьев, Урванцев, Шотемор, 1977). Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, т.е. направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании — испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и иную, уже динамическую (в нашей терминологии) акциональную (от франц.

action — действие; необходимо отличать акциональные уровневые структуры от уровневых структур личности, хотя между ними есть и много общего) структуру соответствия самих действий идеализированной структуре целей и средств. Уровни этой акциональной структуры определены многими параметрами (адекватность цели, время, наличие или отсутствие ошибок, легкость выполнения, способ кодирования и т.д.). Следует отметить, что наличие акциональных уровней не очевидно, они являются результатом специально проведенного психологического анализа. Важнейшим экспериментальным условием установления характера акциональных уровней в конкретном виде деятельности является введение неопределенности для решающего ту или иную задачу испытуемого. Как было установлено в работе Л.П. Урванцева (Урванцев, 1974), различные объективно имеющие место в деятельности рентгенолога виды неопределенности преодолеваются в процессе его деятельности определенными действиями: перцептуальная неопределенность — визуальным поиском, неопределенность репрезентации и семантическая неопределенность — описанием, концептуальная неопределенность — выдвижением диагностических предположений и установлением их обоснованности. Было показано также, что эти действия образуют иерархическую структуру с высшим уровнем цели. Низший уровень характеризуется самой высокой вариативностью, а наибольшая степень неопределенности типична для стратегии поиска выделенной и зафиксированной патологии. На уровне описания вариативность значительно меньше, и она еще более уменьшается на уровне диагностических предположений. Связанное с переходом от одного уровня к другому перекодирование последовательно снимает неопределенность, но неполное «исчерпывание» информативности каждого уровня и преждевременный переход на более высокий уровень увеличивают риск ошибки. Более того, меняется характер ошибки суждения рентгенолога: ошибка на более высоком уровне принимает все более детерминированный, обобщенный характер, выражающийся в форме альтернативного выбора, и при этом в какой-то мере изменяются возможности ее исправления с помощью действий более низкого уровня. Здесь обнаруживается сложная диалектическая зависимость между действием и собственно познанием.

Таким образом, мы констатируем наличие хотя и сложных, опосредованных, но все же общих формально-смысловых элементов и их отношений в двух структурах — в предмете и в его объяснении, и поэтому рассматриваем этот способ объяснения как один из наиболее эффективных в современной психологии.

ПОНИМАНИЕ КАК МЕТОД НАУК О ПСИХИКЕ

Понимание как метод наук о человеческой психике родился в психологической школе, ведущей свое начало от немецкого философа и психолога Вильгельма Дильтея (W. Dilthey, 1833–1911), которая в специальной литературе стала известна под названием «Понимающая психология» или «Научно-духовная \ гуманитарная психология». Правда, сам Дильтей не пользовался этими названиями. Вначале он говорил о «реальной психологии», затем об «описательной и аналитической (zergliedernder) психологии» (Dilthey, 1924) и, наконец, о «структурной психологии». Кстати, на русском языке опубликована его книга «Описательная психология», вышедшая в Санкт-Петербурге лишь в 1994 г. «Понимающей психологией» это направление, как новое учение о душевной жизни, было названо известным немецким философом и психопатологом Карлом Ясперсом в 1913 г. Название «гуманитарной психологии» она впервые получила в работах другого немецкого ученого — Эдуарда Шпрангера (Spranger, 1930). Именно эти авторы и оказались видными представителями первого течения, оппозиционного классической «элементарной или ассоциативной психологии», предметом которой было сознание (рацио), а философской базой был рационализм Декарта (*cogito ergo sum* — мыслю, значит, существую; душа — это сознание и ничего более). Среди других сторонников «новой психологии» следует назвать: Александра Пфендера, Ганса Груле и Теодора Эрисмана. Предметом этой психологии стало «das Erleben» — «переживание».

Со смещением предмета психологии с рационального сознания на непосредственное и целостное переживание меняется и метод психологии. Дильтей и Шпрангер считали, что только понимание ведет в глубины души, в то время как естественнонаучное объяснение охватывает лишь поверхность, «скорлупу» душевной жизни. Посредством причиной редукции можно объяснить психофизические взаимосвязи, но не достичь собственно психического. Сущность, ядро психического — мотивационные и чувственные взаимосвязи — можно только понять, но не объяснить. Так сказать, в немилость к сторонникам понимающей психологии попали как принадлежащие к методу объяснения и эксперимент, и индуктивное движения мысли от фактов к общему, и измерение, и статистика. Они ставили интуицию выше индукции (индуктивно-рационального способа мышления в процессе познания).

В свою очередь, экспериментальные психологи как приверженцы метода объяснения называли своих гуманитарных коллег «писателями, красиво пишущими», «системными поэтами» и т.д., чтобы

показать, что с их точки зрения метод понимания проходит мимо фактов. Историк психологии Людвиг Понграц (Pongratz, 1967, s. 263) предлагает оставить этот «спор о рангах», поскольку в целом он уже относится к прошлому. Но мы не можем с этим согласиться, поскольку сегодня являемся свидетелями, мы бы сказали, бурного ренессанса и «понимающей психологии», и «понимающего метода», особенно в отечественной психологии, хотя довольно длительное время они находились в «анабиозе».

Почему имел место анабиоз и почему это возрождение? Прежде чем ответить на эти вопросы, нам следует осуществить историко-теоретический анализ метода понимания (*das Verstehen, die Verstehensmethode*). И в этой связи следует упомянуть добрым словом немецкого ученого Йогана Дройзена, который, пожалуй, первым отграничил метод понимания в исторических науках от естественнонаучного объяснения и тем самым как бы обосновал право гуманитарных (духовно-научных) наук на самостоятельность.

В историю психологии понимание вошло вместе с переживанием. Как они связаны? Дильтей писал, что «понимание предполагает переживание» (Dilthey, 1924, s. 143). Отсюда следует, понимание зависит от переживания. Постпереживание, проникновение в мир переживаний другого человека, по мнению Дильтея, зависит от собственного, аналогичного переживания. Но с другой стороны, переживание также зависит от понимания. Понимание делает переживание осознанным, оно становится жизненным опытом. Больше того: в понимании переживание выводится из узости субъективности в область целостного и общего. Поскольку понимание ориентировано на общее, то в индивидуальном должно стать транспарентным (увиденным) сверхиндивидуальное, «подобное но форме», «общее». Наконец, по мнению Дильтея, наше собственное переживание через постпережитое понимание чужой жизни содержательно расширяется и обогащается. Переживание и понимание находятся тем самым в отношениях взаимной обусловленности.

Обратимся теперь конкретно к самому пониманию значения слова «понимание». В литовском, румынском, таджикском, татарском, финском, шведском, эстонском, японском языках слово «понимание» указывает на предметную деятельность в значении «уметь», «разбирать», «рассматривать», «упрощать», «находить». В языках венгерском, китайском, турецком его значение соотносится с представлением об «окончании действия», «завершении», «созревании». В некоторых языках «понимание» непосредственно соотнесено с элементарным «чувствованием», «ощущением» (французский, турецкий). Ряд язы-

ков, в том числе и русский, выделяют в значении «понимания» идею «овладения», «превращения в свое» (Роговин, 1956, с. 38). В родном для Дильтея немецком языке, как и в русском, глагол «verstehen» («понимать») используется в разном значении: мы понимаем смысл предложения, сообщения, иностранную речь или не понимаем их. Определения слов, терминов, понятий нередко начинаются следующим образом: «Под X понимается...» или «...мы понимаем...». Понимание такого рода Ясперс называл «рациональным», другие авторы — «логическим» или «понятийным» пониманием. Понимание может также означать: что-то мочь, в чем-то разбираться. Эту форму понимания можно обозначить как практическое понимание. Но имеет место и психологическое понимание. Мы понимаем непосредственно выражение лица другого человека, его жесты и манеру поведения, его походку и позу. Мы обычно говорим: «Я не понимаю, как ты мог / могла нечто сделать», что предполагает, как правило, определенную оценку. Мы понимаем, почему у обиженного человека появляется желание отомстить, почему честолюбивого так ранит критика, почему кто-то кому-то изменил или даже совершил убийство или самоубийство. В этих случаях мы имеем в виду только психологическое понимание.

Но является это понимание научным или донаучным, наивным? Этот вопрос оставался спорным со времен Дильтея. Он выделяет «элементарную» и «высокую» форму понимания. Элементарное понимание происходит непосредственно; никакие рациональные акты не оказываются между наблюдением и пониманием. Такое понимание — это, прежде всего, выражение переживания, которое таким образом непосредственно оказывается понятым. Практическая жизнь востребует такое элементарное понимание: «В процессе взаимодействия людей каждый хочет понимать, что хочет от него другой. Так возникают элементарные формы понимания» (Dilthey, 1924, s. 207). Наряду с непосредственностью Дильтей называет и другой признак элементарного понимания — его отнесенность к отдельному жизненному выражению / проявлению. Конкретный взгляд, жест, поведение понимается элементарно как выражение внутренних, структурных и чувственных взаимосвязей или даже всей биографии.

Душевные / психические взаимосвязи поддаются лишь высшему пониманию. Оно базируется на элементарном понимании, предполагает его. Высшее понимание востребовано, прежде всего, в тех ситуациях, когда элементарное понимание не справляется, когда мы не можем понять выражение жизни (Lebensäußerung). Не понятое стимулирует высокое понимание.

Ясперс обозначил эти два вида понимания как статическое и генетическое понимание (Jaspers, 1948). В отличие от Дильтея, у Ясперса отсутствует диакритикум (диакритический знак) непосредственности. Статическое понимание истолковывается им не как непосредственное понимание, а как часть процесса понимания, как описание феномена.

С целью различения научного и ненаучного понимания немецкий ученый Роберт Гейс в 1903 г. ввел понятия непосредственного и опосредованного понимания. Непосредственное понимание основывается на позитивной или негативной идентификации (сочувствие, любовь, ненависть) и отказывается от любого объяснения. Опосредованное понимание, напротив, использует размышление и объяснение как вспомогательные средства. К такому виду понимания можно отнести глубинно-психологическое понимание. Психотерапевт пытается понять ситуацию своего клиента не только через вчувствование (эмпатию) и применение каких-либо процедур (Nachvollzug); он использует также редуцирующее объяснение, относя психические расстройства к определенному кругу неврозов, пытаясь объяснить их посредством гипотезы и теории (например, фрейдовской) и тем самым прийти к глубокому пониманию.

Теперь сконцентрируемся на «опосредованном», «высоком» или «критическом» понимании в психологии, на понимании как методе. Это необходимо, поскольку представители понимающей психологии считают понимание равным объяснению, а в психологических вопросах — даже методом, превосходящим метод объяснения.

Дильтей называет три особенности нового способа исследования: во-первых, он уходит корнями в непосредственное, целостное переживание. Структурные взаимосвязи, по Дильтею, даны нам «живыми»; а понимание нужно для того, чтобы «из них сделать для нас понятным отдельное» (Dilthey, 1924, s. 172). Итак, понимание идет от данностей внутреннего опыта или восприятия, в то время как объясняющая психология идет от гипотез. Тем самым для понимающей психологии первично целое, взаимосвязь, а для объясняющей психологии — части (элементы). Тот, кто исследует с помощью метода понимания (понимающе), согласно Дильтею, движется аналитически, пытается разложить целое на составные части; тот, кто исследует объясняюще, т.е. с помощью метода объяснения, вынужден конструировать взаимосвязи из частей, т.е. заниматься синтезом.

Вторую особенность метода понимания Дильтей называет «интеллектуальностью внутреннего восприятия» и пишет по этому поводу:

«Мы узнаем об этой взаимосвязи в нас лишь отрывками, то в одном, то в другом пункте на нее падает свет, открывающий суть, поскольку психическая сила как бы не может представить в сознании (помочь осознать) сразу все звенья внутренних взаимосвязей. Чтобы осознать душевную взаимосвязь в ее существенных деталях, требуется включать элементарные логические процессы: различать, находить общее, определять степень различий, разделять, абстрагировать, связывать в одну многие взаимосвязи, из многих фактов извлекать общее...» (там же, s. 168). При понимании речь ни в коем случае не идет о субъективном произволе, а лишь о сигналах чувств, о неконтролируемом интуитивизме. Понимающие присмы предполагают и дискурсивное мышление: имеет место абстрагирование, обобщение, увязывание.

Третья особенность психологического метода понимания представляется Дильтесом следующим образом: «Отдельные душевные процессы, объединения душевных фактов, которые мы воспринимаем внутренне, выступают в нас с различным осознанием их ценности для общего. Так отделяется во внутреннем понимании существенное от несущественного» (там же, s. 168). Познание сущности является главной целью понимающих приемов. Оно обозначается Дильтесом как акт непосредственного сознания. Познание сущности является особенностью метода понимания не только в психологии, которая стремится к сущности личности, развивающегося гештальта и т.д., но также и в философии, и в гуманитарных науках. Сущность же есть нечто большее, чем взаимосвязь фактов, она выходит (трансцендирует) за существующее; она является, в конце концов, результатом творческого акта, который вырастает из исходного понимания, что задается изначально человеческому бытию в этом мире.

Дильтей характеризовал свой метод как «раскладывающий на части» и «описательный». Раскладывается или анализируется данная комплексная действительность, и другие науки — логика, химия, физика — тоже анализируют, ищут факторы действительного. Особенность же психологического анализа состоит в том, что его предмет — это действительность переживания и что «без формулирования в промежутке каких-либо гипотез» из этой взаимосвязи звенья как бы вынимаются и помещаются обратно (там же, s. 166).

Как анализ, так и описание не являются особенностью психологии. Естественные науки тоже описывают. Мы сегодня понимаем под описанием языковую фиксацию данных, наблюдаемых нами случайно или систематическим образом. Так экспериментальная психология описывает порядок, процесс и результаты своих исследований. От описания

следует строго отличать интерпретацию как особый акт. Для Дильтея описание означает больше: «Я понимаю под описательной психологией изображение представленных в каждой развитой душевной жизни одинаковых по форме составных частей и взаимосвязей, увязанных в одну-единственную взаимосвязь, которые не выдумываются и не открываются, а переживаются» (там же, s. 152). Описательная психология «рассматривает, анализирует, экспериментирует и сравнивает. Она использует любое вспомогательное средство для решения своей задачи». Ее главной задачей являются «дефиниции, четкие определения имен и классификация». Описание для Дильтея означает, соответственно, уже научное представление результатов анализа. Он дает в связи с этим следующее разъяснение: «Исходят из развитого культурного человека. Описывают взаимосвязь его душевной жизни, пытаются, как только можно яснее, увидеть с помощью всех вспомогательных средств художественного воображения главные явления, как можно точнее анализируют содержащиеся в этой взаимосвязи отдельные связи. В этом раскладывании (анализе) идут как можно дальше, оставляя то, что сопротивляется анализу, таким, каково оно есть; дают объяснение происхождения того, во взаимосвязь чего мы можем заглянуть поглубже, однако с той степенью уверенности, которая присуща этому объяснению, привлекают повсюду понимающую психологию, историю развития, эксперимент, анализ исторических продуктов...» (там же, s. 157). Поэтому в данном случае не может быть и речи о запланированном, произвольном методе. И не удивительно, что Герман Эббингаус в своей критической статье против Дильтея (Ebbinghaus, 1896) не обнаружил слишком уж заметных различий между понимающей и объясняющей психологией, которые оправдывали бы претензии на две разные психологии.

Обратимся в этой связи к Ясперсу, который писал: «Он, понимающий психолог, исходит из понятной общей ситуации. Она раскладывается, объясняются один за другим: выражения, содержания и феномены, с одной стороны, внесознательные механизмы — с другой, и предполагается возможность экзистенции как эмпирически неисследуемого основания» (Jaspers, 1948, s. 259). Ясперс различает познание общих взаимосвязей, которое он считает собственно задачей понимающей психологии, и применение этих взглядов к отдельному факту. Я еще вернусь к этому различию чуть позже, когда надо будет прояснить ответ на вопрос о критериях надежности понимания. По своей базовой структуре предлагаемые Дильтеем и Ясперсом методы совпадают: они предполагают необходимость исходить из целого, тщательный анализ, обогащенное понимание целого; сходными

являются и главные пункты герменевтического метода³², который был предложен Шляйермахером в 1829 г. и далее развит Дильтеем и Хайдеггером (Heidegger, 1963). Ясперс, по сути дела, выходит за пределы психологического понимания, принимая его как путь «прочувствования» экзистенции, «как эмпирически неисследуемое основание».

Теперь скажем несколько слов о третьей модели понимающего метода, предложенной Шпрангером (Spranger, 1930). Духовно-научное (гуманитарное) понимание, согласно Шпрангеру, тесно связано с мировой культурной философией. Он исходит из объективного духа, ценностных и чувственных ориентаций культуры. На первом этапе процесса понимания отдельные ценности культуры (теоретическая, эстетическая, социальная, экономическая, политическая, религиозная ценность) «изолируются», им ставятся в соответствие определенные способы поведения и размышления. На втором этапе полученная таким образом психическая структура возводится к типу, т.е. «идеализируется». Тип следует рассматривать как своего рода категориальный остов, с помощью которого открывается конкретная психическая действительность; он является не самоцелью, но «конституирующим звеном» в процессе понимания. Он служит масштабом, нормой, которой конкретная психическая структура «измеряется». Например, если выясняется, что в жизни человека доминирует теоретическая ценность, то эта ценностная ориентация опять может быть увидена в целом культурной системы ценностей: «теоретический» человек руководствуется не исключительно лишь ценностью правды, его активность определяют также и другие ценностные ориентации. Этот третий этап или шаг в познавательном процессе Шпрангер называет «тотализирование». Четвертый и последний шаг или этап — это «индивидуализирование»: на фоне типического узнается индивидуальное.

Шпрангер декларировал свой метод как научный метод познания. У многих психологов раньше и теперь возникает вопрос: имеем ли мы здесь все еще дело с психологическим методом, с методом психологии, которая понимает себя как опытная наука? В связи с этим сегодня мы можем сказать следующее. Шпрангер справедливо считал, что отдельный человек является не только неповторимым, единственным существом, *individuum ineffabile*, но также и, как бы мы сегодня сказали, запечатленным продуктом культуры, результатом различ-

³² О герменевтическом методе см.: М.С. Роговин, Г.В. Залевский (1988, с. 77–88).

ных детерминант культурной среды. Поэтому вопрос о социальном характере легитимен и исключительно необходим при рассмотрении индивидуального характера. В том, как человек приспосабливается к действующим в его культурном кругу нормам, уже лежит свидетельство его индивидуальности.

Итак, мы познакомились с тремя важнейшими моделями понимающего метода (метода понимания) и задаем правомерный вопрос о том, для каких предметных областей психологии они применимы. Уже из этого вопроса следует, что понимание не может, скорее всего, рассматриваться как универсальный метод психологии.

Дильтей считал, что анализирующей и описательной психологии открыта тотально вся душевная жизнь. Но, как справедливо пишет Понграц (Pongratz, 1967, s. 270), с этим вряд ли можно согласиться. Большая область «физиологической психологии» не поддается пониманию. Связи между психическим переживанием и коррелирующими телесными процессами объясняются, — может быть, не строго каузально, а кондиционально, — но не понимаются. То же самое касается психофизики, которая исследует психические реакции на внешние раздражители, не являющиеся предметом понимания. В то же время мы можем нередко понять результаты экспериментальной зоопсихологии. Тот факт, что собака Павлова в ответ на условный сигнал — звук колокольчика — выделяет слюну, следует принять. Но когда крыса-мама, услышавшая писк своих детенышей, преодолевает угрожающую ей преграду до появления чувства голода, это мы можем понять. О «границах понимания и безграничности объяснения» писал и К. Ясперс (Ясперс, 1997, с. 371).

Названные психологические дисциплины и по сегодняшний день остаются основным исследовательским полем естественнонаучной, объясняющей психологии. Другие области вплоть до последнего времени находились в рамках понимающей психологии: в первую очередь, психология выражения (Ausdruckspsychologie — экспрессивная психология) и психология личности. Дильтей придавал большое значение экспрессии переживания, поскольку через нее мы узнаем больше, чем посредством интроспекции. И самопонимание, по его мнению, тоже осуществляется через выражение. Психология выражения и сегодня не очень признаваема естественнонаучно ориентированными психологами, несмотря на ее долгую и богатую историю (Роговин, 1970; Bühler, 1933; Kirchhoff, 1964; Rohracher, 1975). Психология личности является предпочитаемой областью исследования также и для поведенческой психологии. Свойства / черты выявляются из способов поведения пос-

редством психологических тестов и «конструируются» с помощью количественных методов. Названные приемы способствуют пониманию сущности, но они не достаточны для ее конституирования.

Под сущностью, в психологическом смысле, понимается не платоновская идея, она также не предполагает этическую оценку, но представляется как нечто «окончательно своеобразное, только этому феномену присущее, предлагающее себя в конечном итоге при аналитическом описании» (Gruhle, 1948, s. 8). Сущность личности, фазы развития, эмоционального возбуждения и т.д. представляют собой не общее, а внутреннее понятие (Inbegriff); для которого все выделяемые существенные признаки являются определяющими. Конечно, познание сущности может осуществляться как донаучно, интуитивно, так и благодаря плановым усилиям.

Предпочитаемый предмет понимающей психологии — это, прежде всего, тип. Согласно указаниям Дильтея, душевные взаимосвязи представлены в типичном человеке. Для этого автора любой портрет уже был типом. Он полагал, что в каждом индивидуе есть что-то от сущности человека. Один из последователей Дильтея выразил эту мысль следующим образом: «Когда я понимаю, я типизирую» (Langrebe, 1928, цит. по: Pongratz, 1967). Каждый тип представляет собой констелляцию признаков идеального характера. Чистые типы в реальности не существуют. Отдельный человек не есть тип, но он в большей или меньшей степени подпадает под определенный тип (Allport, 1949, s. 297). С методической позиции различают «идеальные типы» и «частотные, или средние типы» (Häufigkeits- oder Durchschnittstypen). Первые из них как бы «высмотрены» из реального многообразия, очищены от всего случайного и идеализированы как чистые типы; в гештальт-психологическом смысле они представляют собой «хорошие или выразительные» гештальты, поэтому их называют еще «прегнантными типами» (Weber, 1922; Gruhle, 1948). Вторые определяются посредством факторного анализа (Q-техники). В целом эти типологии строятся по старой схеме: дух, душа, тело. Соответственно этому различают ноологические (духовно- или культурно-научные), психологические (функционально-психологические) и соматологические (конституциональные) типы. Характерным предметом рассмотрения понимающей психологии являются ноологические типы. Дильтей вывел из истории философии типы натуралистического и идеалистического мировоззрения. Шпрангер, идя от объективного духа, сформулировал шесть «жизненных форм», которым соответствуют шесть человеческих типов (Spranger, 1930). Ясперс рассматривал свои мировоззренческие типы

как следствие развития гегелевского закона движения духа: вначале доминирует привязанность к традициям («нахождение в скорлупе / раковине»), затем следует скепсис, сомнение в преходящих ценностях («Hang ins Nichts»), наконец, развивается «демонический» человек, который представляет собой синтез обоих первых типов; он создает новые ценности и имеет «свое место в бесконечном» (Jaspers, 1954).

Понимающая психология видит в типе главную цель своего анализа (Pöngratz, 1967, s. 271). Она должна ставить при этом, согласно Дильтею, антропологическую задачу. В типе должно высветиться что-то от сущности человека, от общей человеческой природы. Характерологи, напротив, видят в типе не самоцель, а рассматривают его как вспомогательное средство, инструмент анализа индивидуальности. Оба взгляда, по мнению ряда авторов, не противоречат друг другу: типы имеют как теоретическую ценность, так и служебную функцию. При типизировании проявляется общечеловеческая тенденция к попытке обозреть всю полноту и многообразие отдельных явлений. Поэтому нас не должно удивлять, что типологическое мышление имеет такую длительную историю. Она восходит корнями к Платону, который в своей *Politeia* (Политике) выделил пять типов, к псевдоаристотелевской «Физиогномике», к очеркам по характерам ученика Аристотеля Теофраста, к созданному Гиппократом и Галеном учению о темпераментах. Позднее появились портреты характеров французского моралиста Лабрюера, типология Канта, «наивные» и «сентиментальные» люди Шиллера, дионисийский и аполлинический человек Ницше, вплоть до духовно-научных типов Дильтея, с которых мы и начали.

Наряду с экспрессией, характером и типом к специальным предметам понимающей психологии относят мотивационные и смысловые связи. Мотивационные взаимосвязи отличаются от причинных взаимосвязей. Механическую причинность (одинаковые причины — одинаковые последствия) нельзя понять, ее нужно принять к сведению. Но то, как психическое следует из психического, можно лишь понять. То, что вода при ста градусах кипит, при нуле градусов замерзает — это закономерная причинная взаимосвязь. То, что ребенок сосет палец из орального сопротивления следует скорее из понимания, чем из статистических доказательств (Jaspers, 1948; Kirchhoff, 1964).

Мотивационные взаимосвязи являются и смысловыми взаимосвязями. Познав мотив какого-либо действия, мы можем затем понять и его смысл. Так, оппозиционное поведение подростка приобретает смысл, когда мы смотрим на него с позиции развития самостоятельной личности, берущей на себя ответственность. Наконец, какой-либо

феномен приобретает для нас смысл, если мы видим его в качестве звена чего-то целого: например, экономического человека как форму проявления ценностной системы нашей культуры, акт личностной структуры в целом.

В теорию понимания нас вводит вопрос о ее актовой структуре. Основывается понимание на вчувствовании либо на интуиции, на непосредственной наглядности, является ли оно, по сути своей, схватыванием смысла? Означает оно то же самое, что и интерпретация? Как отвечают на эти вопросы Дильтей и другие теоретики понимающей психологии?

Согласно Дильтею, понимание покоится на «проникновении, постпереживании и ностобразовании». Проникновению в другого должно предшествовать собственное переживание, которое «транспонируется, переносится в чужую душевную жизнь». При этом постпереживание — это нечто большее, чем просто проникновение. Это продуктивный акт, в котором собственное переживание расширяется за счет присоединения чужого переживания. А когда расширяется собственное переживание, то расширяется и горизонт понимания. Переживание и понимание, как уже говорилось, составляют феномен взаимной связи (Dilthey, 1924; Binswanger, 1922). Карл Ясперс, Ганс Груле и Теодор Липпс говорят о вчувствовании. Согласно Липпсу (Lipps, 1907), автору этого термина, вчувствование есть «внутреннее соделание», внутреннее подражание, часто также двигательное, т.е. выражения, движения совершаются с большей или меньшей степенью заметности. Олпорт, вслед за Фрейдом, говорит в этой связи о «кинестетическом выводе». Кроме того, как считал Липпс, в акте понимания субъект и объект образуют некоторое единство. Можно, например, полностью погрузиться в переживания акробата, со страхом наблюдая за его кунштюками (трюками), хотя сам акробат может и не испытывать страха. В таком случае мы имеем дело, скорее, с непониманием. С позиций этой теории понимания мы можем понять душевное состояние другого только в том случае, если мы сможем сделать его своим состоянием, если его радость станет нашей радостью, его печаль — нашей печалью.

Теория вчувствования поднимает вопрос о конгениальности (сходстве, сродстве) между понимающим и понимаемым. Является ли гомология их структуры *conditio sine qua non*? Дильтей полагал, что она необходима. Он даже считал, что понимание предполагает симпатию — совершенно несимпатичных нам людей мы не можем понять. Это не согласуется с данными о том, что симпатия, как и антипатия, могут исказить объективность понимания. Однако это не отменяет

понимания на основе общностей. Известно, что представители одного пола, статуса, современники, представители одной и той же культуры и т.д. понимают друг друга лучше.

И Дильтей, и Груле приходят к выводу, что понимание не есть односторонний процесс делающего выводы ума / сознания, как не есть и односторонний эмоциональный процесс. Понимание есть целостный акт. Понимает — не функция, понимает весь человек. Тем самым делается вывод о том, что без личностного участия понимающего нельзя прийти к истинному и полному пониманию. В этом видится отличие понимания от объяснения: при объяснении ученый может сохранять роль «незаинтересованного зрителя», а при понимании он выступает в качестве «понимающего свидетеля». В немецкоязычной литературе можно найти следующее описание различий познавательных позиций ученого-естественника и ученого-гуманитария: «Предмет и метод естественника позволяют ему осуществлять редукцию к экзистенциальному минимуму наблюдателя. От гуманитария, напротив, требуется полное включение личности со всей ее резонантной поверхностью» (Strasser, 1964, s. 141). Понимающий метод означает отказ от позиции незаинтересованного зрителя в науках о человеке и представления о человеке как лишь научном объекте познания. Понимание происходит в напряженном пространстве между дистанцией и участием, на языке античности — между теорией и эросом / жизнью.

Шпрангер придерживается несколько иного взгляда на структуру акта понимания. Научное понимание становится возможным только тогда, когда исследователем берется во внимание, что между субъективным и объективным духом, между отдельными и принятыми в культуре нормами и ценностями существуют «смысловые связи». Понимание, по Шпрангеру, это, по существу, понимание смысла. Мы понимаем только то, что имеет смысл. Мы понимаем какого-то человека, если мы знаем, какими ценностями он руководствуется в жизни и соизмеряем его ценности с объективно значимыми ценностями. Структурно речь идет здесь о понимании через нахождение места отдельного в общей смысловой связи.

Третья теория предполагает, что понимание опирается на интуицию. Не есть интуиция нечто субъективное, полностью неконтролируемое? Ученый-естественник, стремящийся к объективности, не допустит в науку понимание как интуицию. Его аргументы будут таковы: интуиция относится к искусству, это прерогатива гениальных людей. Действительно, понимание нередко связывают с гениальностью. В этой связи Понграц несколько утрирует ситуацию: «Если понимающие ученые

являются избранными, аристократами духа, тогда объясняющим ученым отводится роль бюргеров и рабочих, которые несут на себе груз и жару будней и не в состоянии достичь такого уровня познания, как элита духа. Я умышленно несколько утрировал ситуацию, чтобы напомнить, что с теорией интуиции следует быть осмотрительным. Способностями и даром божьим должен обладать каждый исследователь, каким бы он образом не исследовал. Мы не должны, тем не менее, забывать, что большие изобретения в естественных науках и в психологии также были получены интуитивно, а затем подвергнуты испытанию огнем эксперимента и статистики» (Pongratz, 1967, s. 275).

Что понимают разные авторы под интуицией? Оллпорт (Allport, 1949) противопоставляет интуитивное понимание личности дискурсивному. Дискурсивное понимание идет через умозаключение и аналогию. Вчувствование же ставится на эту сторону. Но интуиция рассматривается Оллпортом в очень широком смысле и как понятие обращена к следующим теориям: 1. Прямое восприятие; 2. Врожденное знание и идентичность (Платон, Гегель, понимание через общности); 3. Непосредственное знание (Бергсон, Лосски, симпатическое единение с реальностью); 4. Восприятие индивидуальности (Кроц, неповторимое исходит из естественнонаучного обобщения); 5. Понимание (специально человека). Оллпорт рассматривает понимание как одну из пяти форм «интуитивизма», в то время как Страссер (Strasser, 1964, s.143–165) и Понграц (Pongratz, 1967, s. 276–277) интерпретируют «интуицию» как одну из теорий понимания. Но они считают необходимым дифференцировать интуицию, во-первых, по уровням или слоям, и, во-вторых, «интуицию любого» от «гениальной интуиции», которую «искусство и наука должны благодарить за свои самые большие достижения».

Четвертая теория представляет акт понимания не как интуитивное зрелище, а как наглядность (воззрение, взгляд). Здесь интересные мысли были высказаны Бинсвангером с опорой на Brentano, Джемса, Бергсона: «Психологическое понимание... предполагает всегда наглядность (презентативную и репрезентативную)» (Binswanger, 1922, s. 264). Согласно Бинсвангеру, мы и душевные взаимосвязи усматриваем / наблюдаем непосредственно. Например, мы понимаем ребенка, который безуспешно пытается достать яблоко и поэтому плачет, наглядно / непосредственно; здесь налицо единица переживания, а не свидетельство, которое мы затем как-то интерпретируем. Взаимосвязь здесь дана как целое. Ребенок таким образом учится понимать психические взаимосвязи: например, его мама грозит ему пальчиком, когда она им недовольна: «Я смотрю на чужую душев-

ную жизнь и при этом вижу, как она постоянно меняется, находится в постоянном течении, выпуская из себя волну за волной» (там же, s. 285). С этой теорией можно согласиться, считает Понграц (Pongratz, 1967, s. 277): например, наблюдая за поведением агорафобика, мы видим, что он боится переходить улицу. Но видны ли нам мотивы его страха переходить улицу? На этом вопросе, считает он, «заканчивается наивное “наглядное” понимание и начинается критически проверяющее, научное». По этому поводу довольно метко высказался Оллпорт: «Прямое восприятие никогда не раскрывает связь между отдаленными причинами и актуальными явлениями, в то время как понимание человека требует знания такого рода связей. Для понимания необходимы знакомство, запас опыта, причинный и структурный анализ — все это требует, очевидно, ассоциативной активности. Коротко говоря, умозаключения также необходимы, как и “сенсорное поле”» (Allport, 1949, s. 550).

Следующей темой теории понимания является отношение между пониманием и интерпретацией. Дильтей определяет толкование, или интерпретацию, как искусство понимания повторяющихся «выражений жизни»; речь здесь идет, прежде всего, о речевых фиксациях. Наука, где понимание строится по всем правилам искусства, — это герменевтика. Применение и развитие герменевтического метода начинались с толкования исторических источников и текстов. Перенесенный в психологию, в толкование психологических феноменов, этот метод предполагает, прежде всего, наличие определенного материала, который следует добыть каким-то методом. Это могут быть поведенческие наблюдения, тестовые данные, экспрессивные данные, сны / сновидения, экспериментальные данные и т.п. Во всех случаях вначале должно иметь место описание, а затем интерпретация. Но описание — это тоже научный акт. А до описания должен быть осуществлен сбор материала. Затем при описании происходит упорядоченное отделение несущественного от существенного, проникновение в него и «счастливое формулирование», которое, однако, не следует смешивать с интерпретацией — она идет следом. Но надо помнить, указывал Дильтей и др., что описание — это первый акт понимания. Он состоит в выборе способа и образа сравнения, различения, отнесения и взаимосвязывания. И при этом очень важным представляется выбор слов и понятий.

Интерпретация же необходима, когда имеющийся материал не может полностью или частично быть понятым. Она применяется к непонятому. Страссер (Strasser, 1964) выделяет две формы интерпретации: антиципирующее толкование, или гипотеза, и толкование

в узком смысле, или герменевтика. Гипотеза обычно формулируется до эксперимента — это так называемая доэкспериментальная гипотеза (или нулевая гипотеза, которая опровергается статистическими данными). Страссер же считает, что существует и «послеэкспериментальная» гипотеза. Действительно, интерпретация результатов исследования может проводиться в форме гипотезы. Послеэкспериментальная интерпретация является одновременно и доэкспериментальной гипотезой для следующего исследования. Герменевтическая интерпретация первоначально была духовно-научным / гуманитарным методом толкования. И психология также уже не может обойтись без герменевтического толкования (Роговин, Залевский, 1988). Движение от части к целому и опять к части, упорядочение предмета интерпретации через смысловые связи и соотнесения двух отдельных факторов — все это существенные акты герменевтического понимания. В пределах нашей науки — психологии — этот метод применяется преимущественно в рамках психологии личности, экспрессивной психологии, психодиагностики, психологии развития, социальной психологии, психопатологии.

Итак, при рассмотрении актструктур понимания мы выделили различные их особенности. Как можно их привести в некоторый порядок? Попытаемся сделать это, прибегнув к материалу, предложенному, прежде всего, Понграцом в его «Проблемной истории психологии» (Pongratz, 1967).

1. Хайдеггер (Heidegger, 1963) тематизировал эту проблему следующим образом: понимание есть экзистенциальное базовое определение человеческого бытия. Понимание и бытие, по Хайдеггеру, — явления «одного и того же происхождения». Происходят они из «первичного понимания», или наивного понимания, свойственного человеку изначально. Дело в том, что в любом нашем вопросе как бы уже имеет место некоторое предпонимание. Это первичное понимание включает в себя теории «вчувствования», «интуиции» и «наглядности», которые происходят дорефлексивно и непосредственно.

2. На основе изначального, имманентного относительно жизни понимания, человека в особенности, строится научное, критическое понимание как метод. Но следует видеть и помнить, что из этого первичного понимания гянутся корни как понимающего, так и объясняющего методов. Правда, не стоит отрицать их специфичность. Между этими методами существуют определенные отличия.

Прежде чем мы рассмотрим различия и общес в объяснении и понимании, мы должны поставить в отношении понимающего метода вопрос о критериях достоверности высказываний и заключений, сде-

ланных на его основе. Только в случае их наличия он может выступать на равных с методом объяснения.

Наука, как правило, должна довольствоваться вероятностями, так как истина — это идеал, а вероятность — это реальность. В этих рамках функционирует и понимание. Понимающий метод — это не эзотерическая процедура, это не занятие для аристократии духа. Он отвечает критериям науки. Он может делать свои методические шаги опосредствованно и подвергаться контролю. Консенсус опытных и объективно доказательных фактов — основание также и для метода понимания.

В заключение сравним понимание и объяснение, еще раз подчеркнув то, что их отличает и объединяет. Понграц для большей наглядности строит схему (см. с. 218) (Pongratz, 1967, s. 281–282):

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учениях о душе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественнонаучной процедуры. Понграц считает (Pongratz, 1967), что Эббингаус своей «Репликой на идеи Дильтея» (Ebbinghaus, 1896) хорошими аргументами постарался защитить естественнонаучную психологию. Правда, он увидел не все: больше сосредоточившись на общем, он не заметил различий. Представители же понимающей психологии слишком заострили внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Здоровые голоса звучали раньше, звучат и сейчас, не абсолютно противопоставляя эти подходы и не указывая, какой из них «лучше», а утверждая, что они, скорее всего, дополняют друг друга. Эту позицию отстаивал уже Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». Кюльпе (Вюрцбургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же как и В. Джемс, К. Бюлер видел в них две ступени познавательного процесса: «интуиция — это первый шаг, но последнее слово все же за индукцией» (Bühler, 1933). К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предполагает понимание, а физический мир — объяснение в терминах причинности, должна быть признана поверхностной и ложной. Любое событие — независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, — в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению... Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию» (Ясперс, 1997, с. 371–372). А некоторые психологи — уже наши современники — справедливо считают, что

Американского психологического общества в результате дискуссии о бихевиоризме и феноменологии пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве комплементарной базы современной психологии». Следствием такой методической / методологической толерантности является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений (May, 1965; Pongratz, 1967; Wapp, 1964). Эти мысли, остаются актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перенапряжения позитивизмом», «усталости от рационализма» (Юревич, 2000). Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шли острые дискуссии на 3-м Съезде психологов России в Санкт-Петербурге (июнь, 2003 г.), на Всемирном психологическом конгрессе в Пекине (Китай, август, 2004 г.) и на Сибирском психологическом форуме (сентябрь, 2004 г., Томск) (Сибирский Психол. журн. 2004).

ЛИТЕРАТУРА

- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Желеско П.С., Роговин М.С.* Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности. Кишинев, 1985.
- Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976.
- Залевский Г.В.* Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: ТГУ, 1993.
- Залевский Г.В.* Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 3.
- Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. М.–Томск, 2004. С. 372–386.
- Залевский Г.В.* Понимание как метод наук о психике // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 12–22.
- Залевский Г.В., Залевский В.Г.* Психология и психологи на пороге XXI века // Сибирский психологический журнал. Вып. 13. 2000. С. 8–12
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М., 1994.
- Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Сибирский психологический журнал. Вып. 12. 2000. С. 9–17.
- Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук. М., 1966. С. 36.
- Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизический параллелизм // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже.

- Вып. 1–2. М.: Просвещение, 1966а. С. 157–194.
- Роговин М.С. Проблема понимания. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1956.
- Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969.
- Роговин М.С. Проблема экспрессии и ее место в психопатологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. Т. 70. Вып. 1. С. 137–143. Вып. 2. С. 280–289
- Роговин М.С. Психологическое исследование. Ярославль: ЯрГУ, 1979.
- Роговин М.С. Динамика соотношения понимания и перевода в познании // Вопросы философии. 1981. № 2. С. 132–143.
- Роговин М.С. Изменение семантико-логической структуры психологического исследования // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76–87.
- Роговин М.С. Значение психологической теории понимания в различных видах познавательной деятельности // Психологические проблемы диагностики. Ярославль: ЯрГУ, 1985.
- Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. Психологическая природа неопределенности // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. М., 1973. С. 37–59.
- Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 187–230.
- Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
- Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П., Шотемор Ш.Ш. Структура психики и проблема познания // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 75–87.
- Роговин М.С. Научные критерии психической патологии. Ярославль: ЯрГУ, 1981.
- Роговин М.С., Урванцев Л.П., Иванов Л.М. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 48–61.
- Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988.
- Роговин М.С., Залевский Г.В. Верифицируемое и интуитивное познание психического // Сибирский психологический журнал. № 14–15. С. 8–13.
- Сеченов И.М. О предметном мышлении с физиологической точки зрения // Физиология нервной системы. Т. 1. М., 1952. С. 411–417.
- Сибирский психологический журнал / Гл. ред. Г.В. Залевский. 2004. № 20.
- Урванцев Л.П. Формирование суждений и условий неопределенной визуальной стимуляции. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1974.
- Ухтомский А.А. Письма. Пути в незнаемое. М., 1973. С. 371–435.
- Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология. Вып. 1. М.: Прогресс, 1966. С. 99–156.

Часть 1. Современная психология как постнеклассическая наука

- Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. Т. 21. № 5. Сентябрь–октябрь 2000. С. 35–45.
- Ясперс К. Общая психопатология. Практика. М., 1997.
- Allport G.W. Persönlichkeit. Stuttgart, 1949.
- Binswanger L. Probleme der allgemeinen Psychologie. 1922.
- Bransford J.D., Franks J.J. Abstraction of linguistic ideas // Cognitive Psychology. 1971. V. 2. P. 331–350.
- Brooks L.R. Spatial and verbal components of the act of recall // Canadian J. Psychol. 1968. V. 22. P. 349–368.
- Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A. A study of thinking. New York, 1956.
- Bühler K. Ausdruckstheorie. Jena, 1933.
- Dilthey W. Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. GS 5. 1924.
- Ebbinghaus H. Über erklärende und beschreibende Psychologie // Zschr. für Psychologie. 1896. Bd. 9.
- Gruhle H.W. Verstehende Psychologie. Stuttgart, 1948.
- Heidegger M. Sein und Zeit. Frankfurt a. M., 1963.
- Heiss R. Die Lehre vom Character. Berlin, (1936) 1949.
- Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. Heidelberg, (1913) 1948.
- Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, (1919) 1954.
- Kirchhoff R. Allgemeine Ausdruckslehre. Göttingen, 1957.
- Kirchhoff R. (Hrsg.) Ausdruckspsychologie // Handbuch der Psychologie, Bd. 5. Göttingen, 1964.
- Lewin K. Principles of Typological Psychology. New York, 1936.
- Lipps Th. Vom Fühlen, Wollen und Denken. 2 Aufl. Leipzig, 1907.
- May R. (Hrsg.) Existential Psychology. (1961) 1965.
- Morin R.E., De Rosa D.V. Recognition memory and reaction time // Acta Psychologica. 1967. V. 27. P. 298–305.
- Pongratz L.J. Problemgeschichte der Psychologie. München, 1967.
- Rohracher H. Charakterkunde. München-Berlin-Wien, 1975.
- Spranger E. Lebensformen. Halle, 7 Aufl., 1930.
- Strasser S. Phänomenologie und Erfahrungswissenschaft von Menschen. Berlin, 1964.
- Wann T.W. (Hrsg.) Behaviorism and Phenomenology. London, 1964.
- Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Heidelberg, 1922.
- Wellek A. Der Rückfall in die Methodenkrise der Psychologie und ihre Überwindung. Berlin, 1959.